

Тун Хуайцин всё ещё обнимал миску с виноградом и тихо смеялся. Человек он был такой: вечно ходил с неприступным, холодным видом, хотя на самом деле развеселить его ничего не стоило. Причём смешило его бог весть что — вот и сейчас брошенная Чи Е фраза попала точно в цель. Глаза Хуайцина сощурились в весёлые полумесяцы.

В конце концов, на спелый боярышник походил уж точно не он. Чи Е и без того был смуглым, а когда заливался краской, то становился точь-и-точь ядрёной красной ягодой.

Под карнизом тихо позванивал ветряной колокольчик. Чи Е махнул рукой на смешливого гостя и унёс пакет в кухню. Половину ягод он отложил на завтра — сделать танхулу в сахаре, а оставшиеся решил сварить с яблоками: получился бы отличный отвар для пищеварения.

Хуайцин поднялся, вымыл руки и втёр в кожу немного увлажняющего крема. Старая привычка: пусть он давно не садился за инструмент, за пальцами всё равно ухаживал безупречно.

В гостиной на стене висел настенный календарь. На сентябрьском листке, уже слегка пожелтевшем, улыбалась кокетливая девица в красном платье, прислонившись к новенькому «Мерседесу». Сегодняшнее число было обведено синей шариковой ручкой — напоминание о дне рождения малышки. Хуайцин приложил пальцы к этой дате, замер на мгновение и перевернул страницу.

Октябрьские праздники тоже оказались помечены. Рядом аккуратным почерком значилось: «В деревню». Заранее обещанная девочке поездка на загородный отдых.

В самом низу листа, на одном из чисел последней недели, стояла одинокая галочка. Что она означала, Хуайцин не знал.

Опустив календарь, он повернулся к соседней стене. Там ровным рядом висели похвальные грамоты «образцовой ученицы», а под ними ютилась россыпь карандашных чёрточек разной длины с приписанными датами. Почерк — мелкий, изящный.

Судя по всему, здесь отмечали, как растут дети.

Самая свежая засечка появилась совсем недавно — надпись гласила, что сделана она сегодняшним утром. Хуайцин приложил ладонь к макушке, потом перевёл её к стене, прикидывая собственный рост в воздухе.

— Тебе тоже замерить?

Чи Е вышел из кухни, на ходу с аппетитом разжёвывая ягоду боярышника. Морщась от сшибающей оскотины, он тем не менее с невозмутимым видом протянул ещё одну Хуайцину:

— На, попробуй. Сладенькая.

Наученный горьким опытом с кислым виноградом, Хуайцин даже руку не протянул. У этого парня, похоже, вкусовые рецепторы вообще отрофировались.

Кончики пальцев Чи Е до сих пор пахли вяжущим фруктовым соком. Заметив, что Хуайцин опустил взгляд и выглядел задумчивым, Чи Е спросил:

— По дому соскучился?

Хуайцин помедлил, затем тихо отозвался:

— Угу.

Он развернулся, прислонился спиной к исчерченной карандашом стене и слабо улыбнулся:

— Мне пора ехать.

Чи Е кивнул, не став выпрашивать о семейных разборках и причинах побега, только спросил:

— Подвезти?

— Давай, — немного подумав, согласился Хуайцин. — Мне на вокзал.

В этой глуши никаких такси не водилось — по улицам с грохотом носились лишь красные моторикши, от тряски в которых Хуайцина мутило.

Чи Е, заранее выбивший из боярышника косточки бамбуковой палочкой, отправил в рот ещё одну ягоду:

— Когда едем?

— Прямо сейчас.

Хуайцин выудил из кармана латунную монетку:

— Вот, передай сестрёнке. Подарок на день рождения.

Чи Е взял монетку, присмотрелся: ого, иностранная! Вместо привычного цветка мейхуа на ней был отчеканен профиль какого-то горбоносого старика, а вокруг вилась длинная цепочка непонятных букв.

Хуайцин наклонил голову, улыбаясь:

— Разберёшь? На английском.

Видно было, что настроение у него отличное — за сегодняшний день он улыбался больше, чем за всю прошлую неделю.

— Английский-то я слегка знаю, — крутя монетку в пальцах, с заминкой вымолвил Чи Е. — Просто подзабыл немного.

— Ого, — Хуайцин не удержался от смешка. — Ну-ка, выдай что-нибудь.

Наступила короткая пауза.

Чи Е со всей серьёзностью провозгласил:

— Welcome to Beijing!

Страна как раз боролась за право проведения Олимпиады, так что пару иностранных фраз из телевизора заучил даже ленивый.

Хуайцин зашёлся от хохота, аж схватился за живот. За обедом он явно переел, и теперь от смеха скрутило желудок.

— Да это же французский! — выдохнул он сквозь слезы, имея в виду надпись на монете.

Чи Е тоже усмехнулся. Он снова взгляделся в металлический кружок, но никаких цифр номинала не нашёл и хотел уже спросить, сколько эта штука стоит, как Хуайцин перебил его:

— Обычная памятная монетка из поездки. Бери-бери, пусть девочка поиграет.

— Ладно, — Чи Е спрятал подарок.

Стоя близко, Чи Е уловил едва ощутимый, тонкий аромат, исходящий от собеседника. Хуайцин вообще отличался редкой привередливостью: даже валяясь в бреду с высокой температурой, едва очнувшись, он первым делом тянулся к баночкам с кремом. Местные к такому не привыкли — тут дети пользовались «Хайэрмянем», а сам Чи Е зимой в лучшие дни мазался «Дабао», а в обычные не парился вовсе. Поэтому, когда он впервые увидел, как Хуайцин послойно наносит лосьоны и эмульсии, это показалось ему диковинкой. В его крошечном рюкзаке и так места не было, а он всё равно таскал с собой два флакона.

Хуайцин никого в свои привычки не посвящал. На самом деле у него была крайне чувствительная кожа: от обычных покупных кремов щёки тут же покрывались куперозом, а при смене сезонов высыпала мелкая сыпь. Для него специальный состав смешивал старый опытный травник — крем отдавал еле слышным, суховатым аптечным ароматом. И аромат этот был весьма приятным.

Чи Е ненадолго задумался, а когда опомнился, Хуайцин уже ушёл в комнату собирать вещи.

Да и собирать-то было нечего: пара сменных летних вещей, умывальные принадлежности, потёртый до ниток плюшевый зайчик, кошелёк, документы да папка для нот, которую недавно вернул Чэнь Сяньян.

Хуайцин на мгновение нахмурился, но всё же засунул папку в сумку. Хотя, отправляясь в эту поездку, дал себе зарок не брать ничего, что напоминало бы о фортепиано.

Застёгнутая сумка на одном ремне едва заполнилась наполовину. У него не нашлось даже лёгкой куртки на осенний вечер. Чи Е, постояв у дверного проёма со сложенными на груди руками, вышел к стеллажу и забрал оставшиеся лекарства. В местной амбулатории таблетки выдавали по-старинке: разноцветные пилюли заворачивали в аптечные бумажные конвертики и складывали в тонкий пакетик.

Хуайцин принял лекарство:

— Спасибо.

И, подняв глаза, спросил:

— Ну что, едем?

— Угу, — Чи Е развернулся и вывел его на улицу.

До вокзала было не так уж далеко. Чи Е вставил ключ в замок зажигания, откинул подножку и упёрся в землю сильными ногами в облегающих джинсах. В руке у него поблёскивал шлем.

Хуайцин, сжимая лямку сумки, скептически скривился:

— А почему не на моторикше?

— Возле вокзала вечно толчея, застрянем в пробке, — отозвался Чи Е, уже нахлобучив свой шлем, так что лица его было не разглядеть. — На этом быстрее.

Ярко-красный мотоцикл отличался внушительными габаритами и хищными, обтекаемыми линиями. Казалось, его переделали специально под высокий рост Чи Е: сиденье находилось на уровне пояса Хуайцина. Глушитель уже низко гудел, наполняя воздух запахом машинного масла. Хуайцин переборол сомнения и подошёл ближе, забирая шлем.

Ему ещё никогда не приходилось ездить на мотоцикле. В его глазах эта тяжёлая, рычащая машина выглядела диким чудовищем — завалится на бок, так и придавит насмерть. Да и шлем, стыдно признаться, он надевал впервые.

Защитный убор оказался велик и смешно болтался на голове. Хуайцин попытался нащупать ремешок, но перекрутил застёжку и никак не мог с ней справиться — его изящные пальцы, привыкшие к клавишам, беспомощно путались в лямках. Внезапно широкая ладонь Чи Е перехватила ремень и уверенным движением затянула фиксатор.

Раздался чёткий щелчок.

В шлеме было душно, поэтому Хуайцин поднял визор и тут же столкнулся с взглядом Чи Е. Тот смотрел на него с явной иронией.

— Залезай давай.

Высокое сиденье вынуждало облокотиться на плечо Чи Е, иначе вскочить бы не получилось. «Чёрт, он что, специально издевается?» — промелькнуло в голове у Хуайцина.

Сохраняя невозмутимую мину, он упёрся левой рукой в кожаное сиденье, правой вцепился в подол футболки Чи Е, встал на подножку и, перекинув ногу, кое-как уместился сзади.

Чи Е слегка крутанул ручку газа:

— Держись за меня, не отсаживайся так далеко.

Хуайцин вцепился пальцами в металлический багажник за спиной — бог знает, как эта деталь называлась, лишь бы держать равновесие — и сухо отрезал:

— Мне и так нормально.

«Только что радовался, а теперь снова бука», — про себя удивился Чи Е, но вникать не стал. Молодые парни, катая девчонок, любили резко срывать с места: пассажирка от неожиданности с писком летела вперёд, прижимаясь всем телом к спине водителя. Известный трюк.

Хуайцин поправил посадку:

— Трогай уже.

Под слитный рык мотора мотоцикл тронулся. На удивление, ехал Чи Е не спеша — сознательно сбавил скорость. Никакого бешеного рывка не последовало, так что Хуайцин уверенно держался за поручни. Прохладный осенний ветер ласкал открытый лоб, а платаны вдоль дороги уплывали назад, будто пышные зелёные облака. В этот послеполуденный час улицы уездного городка были почти пусты.

Хуайцин подался чуть вперёд и повысил голос:

— Чи Е!

— А? — тот слегка повернул голову. — Чего?

Скрытый грохотом мотора, Хуайцин отбросил смущение и решился задать вопрос, давно не дававший ему покоя. Хотя про себя он уже решил, что прошлый вывод был ошибочной паранойей — судя по отношению местных, Чи Е ничем не напоминал человека нестандартной ориентации.

— Ты... — Хуайцин подбирал выражения, — случайно... не по мужчинам?

Несмотря на невысокую скорость, Чи Е по привычке подался корпусом к рулю. Широкие плечи, узкая талия — его силуэт на байке выглядел поджарым и грациозным, как у готового к броску леопарда.

— Чего-чего? Перекричи мотор, не слышно!

— Я говорю! — Хуайцин набрал в грудь воздуха и наклонился ближе к его уху. — Тебе что, мужчины нравятся?!

В этот момент их обгонял тяжёлый грузовик: обходя мотоцикл на повороте, дальнобойщик прибавил газу, и ревущий поток воздуха вместе с грохотом прицепа разорвал фразу Хуайцина в клочья. До Чи Е долетели лишь обрывки: «...нравятся... парней...»

«Чего? Парней?» — подумал Чи Е. Решил, верно, что попутчик спрашивает, кого бы он хотел в будущем — мальчика или девочку. И с чего только зашли такие разговоры?

Вообще-то Чи Е пока связывать себя узами брака не планировал, но если уж заводить детей, то дочку. Впрочем, загадывать глупо, тут уж как судьба распорядится.

— Да без разницы! — крикнул он в ответ, не оборачиваясь. — Мне хоть кто подходит!

В ту же секунду мотоцикл подскочил на «лежачем полицейском». Хуайцин, не успев среагировать, качнулся вперёд и вихрем налетел на водителя, обхватив Чи Е за талию.

Под забралом шлема его лицо застыло в немом шоке.

Признался.

Значит, это правда... Ему без разницы — хоть мужчины, хоть женщины.

Спина у Чи Е оказалась плотной, мускулистой и каменной — Хуайцин невольно вспомнил их первое знакомство и ощущение, когда его пальцы упёрлись в эту же крепкую тушу.

Смешанными чувствами переполняемый, Хуайцин переложил ладонь ему на плечо, выравнивая положение.

Надо же... Век живи — век удивляйся.

А парень-то, оказывается, прогрессивный.

<http://bllate.org/book/19966/1985848>